

Три морали. Сколько культур?

Юрий КАЗАКОВ, эксперт Фонда защиты гласности

Для начала позвольте высказаться по поводу позиции "журналист никому ничего не должен". Позиция эта достаточно распространена, за ней - устойчивая система аргументов. Один из самых сильных, на мой взгляд: наше общество настолько разодрано, раздерганно, не уверено ни в чем и одновременно перегружено верой каждого в собственную правоту (исключающую готовность к поиску компромисса), что журналист, прислушиваясь к великому множеству категорических пожеланий и требований, к нему обращенных, рискует потерять временные и пространственные ориентиры, а равно и способность выполнять элементарные профессиональные функции.

Возможно, что доля истины за таким подходом есть; в атомизированном обществе, в социуме со слабо выраженным гражданско-общественным началом журналисту практически невозможно оглянуться на профессиональный долг как на сферу общественно-должного, сопряженного с относительно консолидированным, более или менее артикулированным общественным интересом.

Признавая это, давайте все же обратим внимание: позиция "никому не должен" не принадлежит сегодня к мировому профессионально-этическому направлению. Основная часть профессионально-этических документов, попавших в сборник "Профессиональная этика журналистов. Т.1. Документы и справочные материалы" (этот сборник был опубликован года три назад Фондом защиты гласности, я был его составителем²⁰), содержит прямые ссылки на ответственность журналиста: по отношению к гражданину, обществу, коллеге по профессии. Есть среди них более и менее "самонагрузочно" сформулированные: суть не в различиях, пожалуй, а именно в том, что в журналистике самых разных стран есть, легко обнаруживается позиция "журналист должен" - как один из критериев, отличающих профессионала от любителя, существенная составная часть профессионализма. Публичная профессия ощущает свои социальные связи, осознает себя частью культуры, очевидно не замыкающейся на собственно профессиональные задачи и рамки, пытается установить продуктивный диалог с обществом, в том числе, и по проблеме собственного предназначения, по возможному прочтению той же профессиональной ответственности журналиста. Проблема нашей журналистики в том, что она не владеет навыками такого диалога, да и не слишком заинтересована в нем. Возможно, потому, что наш собственный социальный и профессиональный опыт устойчиво воспроизводит прежний казенный, партийно-государственный "канон" журналистской ответственности. Хочешь быть участником диалога умной власти с непросвещенным народом - делай все, чтобы общество разделило "правильную" точку зрения, приняло ее с твоей помощью за собственную. Получилось - молодец, ты большой профессионал, оправдал доверие партии и народа. Не получилось - иди и подумай: ты чей, вообще-то, хлеб ешь?

Можно бы и не вспоминать вчерашнюю ситуацию, когда бы не опасение, что она - возможная завтрашняя.

Давайте определимся: ситуация трансформации любого общества (а мы именно такую ситуацию переживаем) мучительна, необычайна в основе. Ненормальность ее основательно усугубляется особенностями самого нашего общества, в значительной своей части - традиционного, с преобладанием в нем традиционной, а не рациональной морали.

В принципе, ситуация с параллельным существованием различных типов морали в

пределах одного конкретного общества не уникальна, все общества сейчас ее проживают - кто легче, кто тяжелее. В каждом обществе есть носители традиционной морали, ориентированные на общину, строгую иерархию, не признающие индивидуализма, подозрительно относящиеся к риску и моральному выбору. Есть носители морали рациональной, столетиями двигавшей капитализм к его нынешнему состоянию. За этой моралью - личность, опирающаяся, прежде всего, на собственные силы, права и свободы, оберегающая и отстаивающая свой суверенитет, свое право на выбор как основу повседневного существования.

В каждом обществе есть и некая новая, "третья" мораль, пытающаяся, в том числе, совместить несовместимое, соединить элементы и традиционной, и рациональной морали. Владимир Иосифович Бакштановский и Юрий Ваганович Согомонов, наши замечательные философы, лидеры в прикладной этике, называют эту "третью" мораль пострациональной. Выяснилось, что рациональная мораль, появившаяся много позже традиционной и вот уже столетия разделяющая с ней одни и те же территории, имеет свои ограничения. Пострациональная мораль возникла на этапе, когда стало понятно, что с глобализацией не так все просто и определено, как кому-то казалось лет двадцать-тридцать назад. Версия была: мы дошли до края угрозы самоуничтожения. Далее - или все вместе сдохнем, не найдя способов остановить гонку вооружений и перестать загрязнять планету и т.д., или вместе выживем, вовремя схватившись за голову и начав что-то делать. Нужно с кем-то о чем-то договариваться. А что такое договариваться? Договариваться - значит ограничивать эгоизм, бесконтрольность, снижать энтропию. Рациональная мораль, ориентированная на личность, по-своему тоже учит ограничивать эгоизм, но, видимо, недостаточно, не до конца. Как результат - начала формироваться (в глубинах общества, не в лабораториях ученых) новая, пострациональная мораль, в которой определенным образом укрепилось, хотя и видоизменившись, коллективистское начало. Это новый момент: оказалось, что в "сжимающемся" мире нельзя представить себе выживания без самостоятельной личности, способной и готовой лично отвечать за результаты своей жизни и деятельности. Но также нельзя без согласования усилий в больших социумах. Отсюда - пострационализм.

Мы - как все, если говорить о присутствии в нашем обществе этих самых трех моралей в одно время и в пределах одной территории. Мы не совсем "как все", и уж точно не "как все" в западном понимании: в силу высокого удельного веса в нашем обществе морали традиционной. Как традиционное в своей основе общество мы трудно совместимы с так называемой "цивилизованной" журналистикой (понимая под последней журналистику западного типа) - уже потому, что ориентированы на разные ценности.

Современную журналистику породило общество, замешанное на рациональной морали: именно оно ценит и уважает свободу слова, видя в ней оплот и защиту всех своих наиболее важных прав и свобод, именно оно серьезно относится к понятиям "редакционная независимость", "самостоятельность журналиста". Вся журналистика, по отношению к которой мы употребляем определение "цивилизованная", опирается на нормы, традиции, представления о человеке и картине мира того общества, которое столетиями формировало свои моральные ценности как рациональные, включая такую ценность, как готовность отвечать за результаты своего дела.

С журналистикой, ориентированной на свободную суверенную личность, традиционное общество находится в ситуации острейшей внутренней, прежде всего, именно моральной конфронтации. "Поменьше личностей, побольше коллектива" - массовое сознание сохраняет эту установку, чего требует и от журналиста.

Традиционная мораль и рациональная мораль, сосуществуя, не уживаются, не

примириются между собой, - это первое, что нужно осознать. Это антагонисты, которые не могут между собой договориться. Если мы это понимаем и признаем, то давайте задумаемся: а так ли случайно быстро выдохлась наша перестроечная журналистика, обнаружив, что ценности, на которые она вышла, не принимаются гражданами, средой? И можем ли мы надеяться на то, что доживем до ситуации, когда и у нас в чести и на месте будет "цивилизованная", т.е. достаточно качественная журналистика, а не помесь вчерашнего "совка" с нагловатым хлестким уродцем, принципиально не пекущемся о своей репутации: зачем она ему? На репутации не разживешься, а хлесткое всегда купят, в разорванном обществе быстрее, чем в относительно устойчивом.

Тут есть множество важных, включая и тему собственника, его генезиса, его установок и возможности напрямую влиять на качество производимого профессиональными журналистами продукта. Но я пока не о собственнике, а о гражданах, пользователях этого самого продукта, об обществе, давно уже не пережевывающем то, что ему положат в рот, а требующем: дай это, заяви именно эту позицию.

Это факт, пока еще мало понимаемый журналистом: на том конце иницируемой им коммуникации сидит человек с собственной, достаточно определенной установкой, со своей системой мер и ценностей, со своими ожиданиями, в том числе весьма требовательными, обращенными к журналисту. И сознание "на том конце" коммуникации далеко не всегда понимающе толерантное. От журналиста ждут соответствия своим представлениям о мире, включая определенные стереотипы и предрассудки. Цена потери коммуникационного контакта с читателем и зрителем - потеря связи, провал коммуникационного импульса и его содержания. Установление контакта ценой приспособления к партнеру, подыгрывания ему - вряд ли лучше. Где выход? Не знаю, если честно. Коммуникатору, уважающему свою профессию и свою миссию, приходится рисковать, искать способы сокращения ментального разрыва. В том числе, вводя определенные элементы специально выстраиваемого профессионального дискурса в публичный дискурс.

Тут, как мне кажется, едва ли не основная задача и основное поле ответственности современного российского журналиста: противостояние серой массе, культивирование установки на публичную дискуссию как на форму проживания обществом трудного, крайне рискованного периода, соучастие в формировании повестки дня такой дискуссии как инструмента формирования публичного дискурса.

Работая на преодоление гражданской немоты общества, на артикуляцию его представлений о самом себе и о своих перспективах, журналист не то чтобы закладывает "правильную" картину мира в массовое сознание, но помогает услышать, обнаружить и понять новое. Поставить в нужное время нужный вопрос - вот главное достоинство профессии. Журналисты - это те, кто ставит вопросы, существенно важные для здоровья общества, его развития, для становления общественного дискурса, строго говоря, в значительной мере это здоровье и определяющего.

Кому, кроме журналистов - и именно так, чтобы общество, озабоченное личным, сиюминутным, расслышало, - поддерживать темы развития демократии, альтернативного призыва, миграции? Российская ситуация: большинство граждан просто не хочет ломать над этим голову, их другое беспокоит и задевает, от коммунальных платежей до футбола. Что делать в этой ситуации? Можно ли, не манипулируя, помогать включению массового сознания, развитию способности становиться тем самым общественным мнением, сосредоточиваясь на проблеме, а не отключаясь от нее переключением с канала на канал, переходом от последних интеллигентных на заведомо "облегченные" издания? Эти вопросы нужно задавать себе постоянно. Планку профессии необходимо поддерживать. При несомненном

общем понижении уровня массовой культуры никто не отменял культуры журналистской профессии. Если журналистика - именно профессия, то опираться она должна на достаточно определенную профессиональную культуру. Там, где эта культура есть - есть профессия. Где речь идет об имитации профессиональной культуры (в виде какого-то "субкультурного" набора, определенных навыков собирать, трансформировать и распространять информацию) - профессии еще нет, есть разве что ее замещение.

Предполагая, что культура журналистики определена и едина в главном (при множестве различий в деталях), утверждая, что эта культура рациональна в основе, ибо опирается на рациональную мораль, я, по сути, снова выхожу на ситуацию конфликта профессионально-моральных оснований публичной профессии с самим обществом в лице значительной части его членов. Достаточно трезво оценивая ближние перспективы этой ситуации, я не вижу оснований для снятия самого вопроса: как при этом быть журналисту? Более того, я настаиваю, что вопрос этот следует ставить самим журналистам - и перед самими собой как перед сообществом, пусть потенциальным, и перед обществом. По крайней мере, перед той его частью, которая не относит себя к "традиционалистской" и не согревается мыслью о подходе заплутавшей в лабиринтах истории "исконной" Руси. Ставить этот вопрос, обсуждать ситуацию совершенно необходимо уже для того, чтобы завтра не спрашивать себя: кто же не помешал или даже помог уставшему, перенапряженному обществу лечь в дрейф в направлении очередного ГУЛАГа? Здесь есть внутренний конфликт немалого масштаба. И есть поле морального выбора, по крайней мере - права на него.

Я понимаю, что журналист на вопрос такого рода не может и не должен отвечать как ученый. Журналистская профессия сиюминутна, она нужна сегодня, она не может отстраниться и наблюдать. Журналистская профессия деятельна по природе, особенно в России. И здесь - следующая болевая точка: конфликт "зеркала" не только с окружающей средой, но и с собой. Трудность - и немалую - для думающего профессионала неизбежно означает определение актуальной роли и задачи: "просто" отражать действительность или же пытаться играть роль социального конструктора.

Социальное конструирование - работа не просто тяжелая, не для всех подъемная, но и крайне ответственная. На мой взгляд, основной части наших журналистов выстраивать профессиональную жизнь с оглядкой на эту формулу просто не стоит: не готовы ментально и профессионально, даже и при самых лучших намерениях все получится "как всегда", - разве что с дополнительным ущербом для репутации "цеха". Но если не совсем "зеркало" и точно не "конструктор", то что? Видимо, штатный постановщик вопросов обществу, в том числе и настоящим экспертам.

Один из таких вопросов - что происходит с фундаментализмом? Здесь я бы говорил о подвижках, по которым можно судить о склонности того или иного института к фундаментализму, причем не обязательно о подвижках в сторону толерантности. Последнее я бы отнес к нашей собственной стране, активно разворачивающейся, точнее, разворачиваемой к православию, отнюдь не готовому размягчаться. Я с повышенной тревожностью отношусь, в том числе, к внятным телевизионным признакам "православизации" России: к появлению священника у полкового знамени, например, или к окроплению им танков. Я все время думаю: как должен воспринимать такие кадры и стоящие за ними дела мусульманин: как признаки формирования "страны в стране", матрешки, где он, иноверец, принципиально отделен от православного как человека первого сорта, социально более близкого государству? Акцентируя внимание на фактической "православизации" России - с ведома и санкции власти (при том, что никто не отменял конституционного положения о "светскости" многонациональной России, в которой каждый волен иметь свою веру или не иметь ее вовсе), могу выразить свое ощущение ситуации следующим образом: наше государство

на деле очень далеко от мультикультурализма, не больше волнует его и толерантность.

Государство, поддерживающее укрепление конкретных, православных начал в традиционном обществе, скорее работает на фундаментализм, чем на демократию. А фундаментализм и демократия совместимы на деле не более, чем традиционная и рациональная этика, они сталкиваются, обнажая массу вопросов, в том числе и такой: у кого выживаемость выше? Жесткие фундаменталистские структуры особо устойчивы в полосе внешних и внутренних угроз; демократические структуры держатся либо на столетиями подраставшем гражданине, носителе самодетельного начала (где взять?), либо на "образованце", полагающем себя интеллигентом. В отличие от интеллигента, которому есть что терять (статус, самовыражение, самоуважение), "образованец" может, наверное, какое-то время подискутировать с фундаменталистом, но потом махнет рукой и отвернется: поступай, как знаешь, только не мешай думать о судьбах человечества. Да ведь помешают: фундаментализм, в каком бы облике ни проявился, раздумий "о судьбах" не выносит, как и плюрализма мнений, как и права на моральный выбор. Где фундаментализм - там "выходи строиться", и чтоб никакого разномыслия.

Если говорить о профессиональных проблемах, связанных с конфликтами миров (а фундаментализм и демократия - это именно миры, если говорить о различии их внутренних ценностей и установок), я бы специально обратил ваше внимание на одну позицию Александра Григорьевича Асмолова, за которой вижу серьезную профессиональную проблему. Контекст упоминания им фильма "Переговорщик" я воспринял как фактический призыв к журналистам становиться продвинутой группой "переговорщиков", способных, в силу возможностей, предоставляемых профессией, помочь диалогу в современном обществе, в том числе, на тех территориях, где конфликты носят открытый, выраженный характер.

Но мне представляется, что нет сообщества, менее способного быть "переговорщиками", чем профессиональное журналистское - по крайней мере, в нынешней России. Во-первых, потому, что состоит оно из не слишком образованных людей. И потому, что "переговорщик" - это именно профессия, в значительной мере иная, чем коммуникатор в сфере массовой информации. Давайте уж сразу договоримся держаться подальше от греха, не лезть в переговорщики, особенно в конфликтных зонах и обстоятельствах: не готовы мы к этому, можем принести больше вреда, чем пользы.

Часто можно услышать, как журналистов призывают пользоваться заповедью "не навреди". Я все же настаиваю на том, что, по большому счету, заповедь эта к журналистской профессии отношения не имеет. И более того: упоминание ее в качестве одной из краеугольных для журналистики самим журналистом служит показателем дефицита именно профессиональной культуры, подмены ее бытовой "культурой общежития". Вот ситуация: журналист втянут в конфликт с очевидными признаками профессионально-этического. Из десяти отвечающих на вопрос "Чем руководствуетесь в этой позиции?" девять выбирают позицию-подсказку: здравым смыслом. Восемь - принцип "не навреди". Далее - пустота, потому как представление об основах профессиональной этики, о принципах и нормах профессионального поведения журналиста, о профессионально одобряемых методах работы, в том числе в зонах повышенной конфликтности, имеет едва один "профессионал" из десяти. Но если так, то профессия размывается, каждый журналист представляет себя как человека, соседа, но и только. И в самой "горячей" сфере межэтнических отношений журналист не опирается на профессиональные представления о желательном, возможном, недопустимом. Он, выбирая позицию, опирается на все тот же принцип "не навреди" - и значит, попросту изымает из цивилизованного общественного дискурса многие существенные для него вопросы и проблемы (оттесняя их, таким образом, в поле прямых межличностных и межгрупповых отношений, а значит и снижая

возможность поиска именно "цивилизованного" ответа на вывозы времени в процессе общественной дискуссии, т.е. повышая социальные риски). Или, напротив, поступает как элементарный провокатор.

Обозначу здесь всего один, но очень важный пункт поиска "профессионально правильного" в остро стоящей этнопроблематике: норму упоминания этнического в криминальном репортаже. Три года назад я говорил коллегам-журналистам: "Пожалуйста, если вы пишете о преступлениях, не упоминайте национальности преступника. Исходите из того, что преступник не имеет национальности".

Это и в самом деле простейшая из позиций: в логике "не навреди". Но обратите внимание: в профессиональных кодексах журналистов нет такой установки как общеобязательной. Она не единственная из возможных. Сошлюсь для примера на германский кодекс: "При публикации материала о преступлениях принадлежность подозреваемого или преступника к какому-либо религиозному, этническому или другому меньшинству упоминается лишь в том случае, если есть основание считать, что это содействует лучшему пониманию описанных обстоятельств дела". Обратите внимание: немцы допускают упоминание этничности в качестве приметы, - в определенных, конкретных обстоятельствах. Может быть, и нам перестать быть догматиками? Может быть, стоит обдумать ситуацию заново - и снять негласное табу на упоминание национальности подозреваемых в преступлениях? Тем более что милиция продолжает настаивать на существовании этнических преступных группировок. Граждане читают сводки, обижаются на прессу: а ты чего об этом молчишь? Как же мне тебе верить? Возникает новый разрыв отношений коммуникатора с реципиентом. Не проще ли открыть страницы собственно милицейским сводкам - четко отделяя их от журналистского комментария? Пусть милиция сама отвечает за свои слова и определения, - и пусть журналист допрашивает ее на той же полосе (беспристрастно или с пристрастием): а на каком основании собирается именно "этническая" статистика преступлений?

И тут я опять выхожу на любимую болезную тему: принципиально важно, чтобы пресса обсуждала ситуацию и проблемы, вырабатывала - во внутренней дискуссии - современную цивилизованную модель профессионального подхода к тому же криминальному или судебному репортажу. Есть несколько моделей, и каждую нужно обсуждать - и достоинства, и недостатки, и возможные последствия укоренения в России. Обсуждать и с самими журналистами, и с властью, и с обществом.

И последнее. Господин Асмолов говорил об ограничениях демократической культуры или либеральной культуры. Разумеется, эти ограничения должны быть. Важно, чтобы они находились в правовом поле - и соответствовали самому демократическому обществу, демократии как таковой. Первый знак такого общества сегодня - защита прав человека. Разумеется, возникает вопрос, в какой мере представление об этих правах после 11 сентября 2001 года в той же Америке будет через некоторое время соответствовать представлениям до 11 сентября. Был момент, когда пошли публикации: система изжила себя, Америка поняла, что дырявая демократия - не демократия, свободы слова должна быть более национально ориентированной, журналист не должен болтать лишнего. Но время показало, что говорившие о крахе сильно поспешили с выводами. Пресса продолжает осознавать себя прессой, продолжает помогать обществу нащупывать дорогу в новых, более сложных условиях, но в том же демократическом поле. Демократия - это ведь не просто определенный набор удобств, это система активного саморегулирования, способная после каждой катастрофы восстанавливаться: силами граждан, в интересах граждан, обогащаясь новым опытом их взаимодействия. Ее сила - внутренняя толерантность, готовность предоставлять каждому возможность проживать рядом с другим - может быть, и не любя его, этого другого, но уважая его права и интересы. И в том, что эта готовность

есть, журналистика играет огромную роль.

В этой ситуации профессиональное самоощущение журналиста, его представления о профессионально правильном и профессионально недопустимом приобретают особый смысл и особую цену. Но где оно, наше профессионально правильное, - хотя бы как система элементарных профессиональных стандартов? Настоящая проблема не в предложении, а именно в обсуждении, в реальном диалоге-дискуссии профессионалов, без которой никогда не отобрать реально-должного, способного работать в российских реалиях. С моей точки зрения, реально помочь становлению в России мультикультурализма, культуре толерантности, журналисты могут только занимаясь параллельно становлением профессиональной журналистской культуры. Давайте, наконец, попытаемся понять, что представляет собой и что должна представлять собой журналистика в России.